

М. В. Ломоносов, А. И. Введенский

Сочинения в стихах

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Л75

Л75 **Ломоносов М.В.**
Сочинения в стихах / М. В. Ломоносов, А. И. Введенский – М.: Книга
по Требованию, 2021. – 354 с.

ISBN 978-5-517-99264-2

ISBN 978-5-517-99264-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

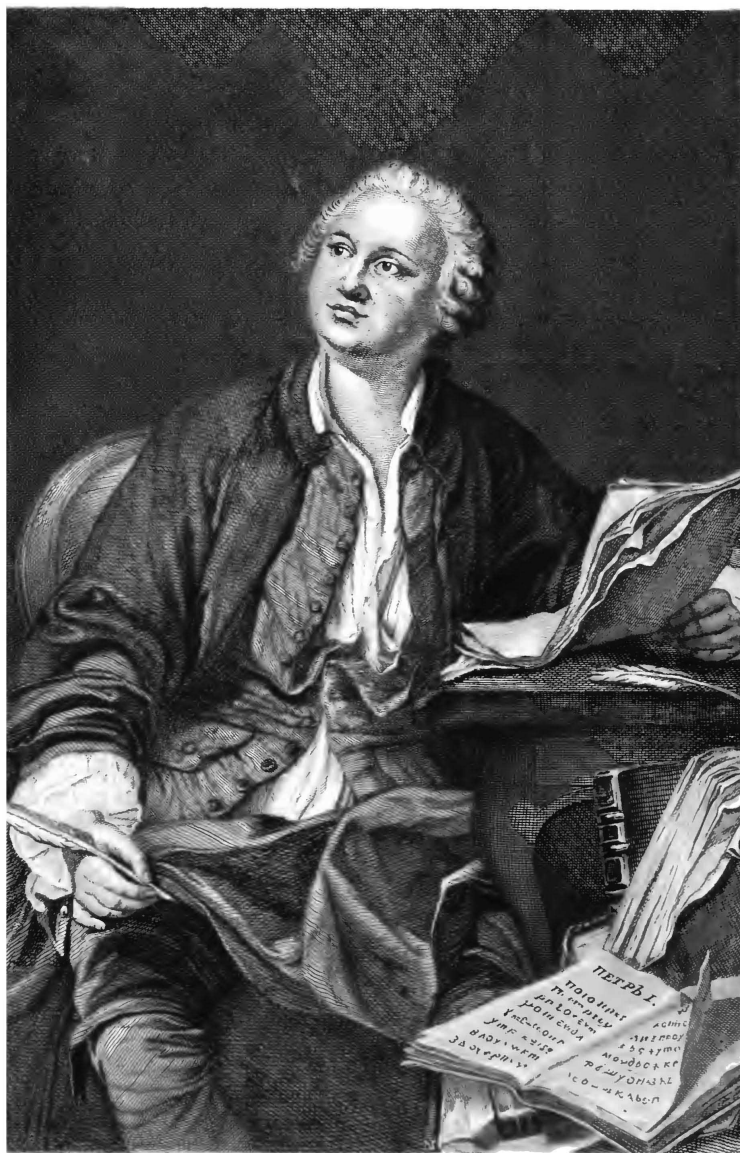
Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Грав. И. Ф. Дейшигеръ.

Печ въ арт. зав. А. Ф. Маркса въ СПб.

Михайло Лавинковъ.

Дозволено цензурою. СПб. 13 марта 1893 г.

Предисловіе.

Дѣятельность Ломоносова распадается на двѣ отдѣльныя отрасли: на ученію и собственно литературную. Настоящій томъ посвящается полному собранію исключительно литературныхъ произведеній Ломоносова, въ которыхъ онъ является творцомъ русскаго литературнаго языка. Его сочиненія по теоріи языка и словесности и по естествознанію устарѣли, и потому для обыкновеннаго читателя не представляютъ уже столь живаго интереса.

Тексты произведеній Ломоносова, которыя были напечатаны при его жизни, тщательно свѣрены по послѣднему при немъ изданію 1757 года, внимательно исполненному имъ самимъ; варианты приведены только позднѣйшіе, изъ примѣровъ „Реторики“ изд. 1759 года. Что касается посмертныхъ произведеній Ломоносова, то, за отсутствіемъ другихъ источниковъ, мы должны были довольствоваться текстами изданія 1778 года, архимандрита Дамаскина, хотя, въ противоположность распространенному мнѣнію, убѣдились, что изданіе это, при относительныхъ достоинствахъ, далеко не всегда отличается послѣдовательностію и точностію. Позднѣйшія академическія и неакадемическія полныя изданія, особенно Смирдина, страдали еще большими недостатками; исключеніе составляютъ только изданіе избранныхъ сочиненій Ломоносова 1846 года, Перевлѣскаго, и вышедшій въ 1891 г. первый томъ новаго академическаго изданія, подъ редакціей академика М. И. Сухомлинова, обнимающій собою произведенія Ломоносова до 1751 г. включительно. Послѣднему мы многимъ обязаны. Мы почли неудобнымъ сохранять старинное правописаніе; но разстановку знаковъ препинанія по возможности удержали, какъ въ высокой степени характерную для произведеній Ломоносова.

Считаемъ долгомъ выразить искреннюю благодарность академику Л. Н. Майкову, В. И. Сайтову, В. П. Ламбину и И. А. Бычкову, оказывавшимъ намъ возможную помощь при занятіяхъ нашихъ въ Императорской Публ. Библіотекѣ, и П. А. Ефремову, обязательно подѣлившемуся съ нами опытностію и богатыми сокровищами своей бібліотеки.

Михаиль Васильевичъ Ломоносовъ.

(Биографическій очеркъ).

Неводъ рыбакъ разстилалъ по берегу студенаго моря;
Мальчикъ отцу помогалъ. Отрокъ, оставь рыбака!
Мрежи пныя тебя ожидаютъ, пныя заботы:
Будешь умы уловлять, будешь помощникъ царямъ.
А. Пушкинь.

Въ первой половинѣ восемнадцатаго вѣка, выведенная на дорогу европейской жизни и просвѣщенія, Россія не владѣла однимъ изъ необходимѣйшихъ орудій образованія, развитымъ словомъ. Разговорный языкъ, конечно, не достаточенъ былъ для выраженія новыхъ понятій и представлений, свойственныхъ образованному обществу и наукамъ. Книжный же тогдашній языкъ нашъ, сложившійся подъ вліяніемъ русскаго монашества и западной образованности, шедшей къ намъ черезъ Кіевъ, состоялъ изъ странной смѣси языковъ церковно-славянскаго, латинскаго, русскаго, а со времени Петра Великаго принялъ въ себя также огромное количество словъ нѣмецкихъ и французскихъ. Онъ былъ неудобопонятенъ обыкновенному русскому человѣку, ищущему образованія, и въ то же время недостаточенъ для выраженія научныхъ и образовательныхъ истинъ; и незначительное число русскихъ образованныхъ людей для выраженія своихъ мыслей должны были прибѣгать къ языкамъ иностраннымъ. Цѣлому ряду представителей разныхъ наукъ предстояло, при этихъ условіяхъ, вырабатывать изъ обыкновеннаго русскаго языка языкъ науки и образованности, или же долженъ былъ появиться гениальный человѣкъ, который въ одно и то же время обладалъ бы и необыкновеннымъ пониманіемъ духа, свойствъ и силы русскаго языка, и многосторонними познаніями, чтобы найти въ немъ элементы для образованія языка науки. Такой гениальный человѣкъ и явился въ лицѣ сѣвернаго крестьянина, Михаила Васильевича Ломоносова.

Отъ крестьянской избы до столичныхъ палатъ преобразователя языка огромной страны—путь длинный и тяжелый былъ бы и въ наше время. Естественно, что судьбы «архангельскаго мужика», который, говоря словами русскаго поэта, «по своей и Божьей воли, сталъ разуменъ и великъ», не могли не сложиться изъ ряда событій исключительныхъ. Годъ рожденія Ломоносова съ

точностью неизвѣстенъ; но если основываться на его собственномъ, данномъ имъ въ 1754 году, по требованію сената, показаніи о числѣ его лѣтъ, нужно признать такимъ годомъ 1712-й. Родился онъ въ деревнѣ Денисовкѣ, Куроостровской волости, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города Холмогоръ. Отецъ его и мать, дочь дьякона изъ стариннаго въ томъ краѣ селенія Матигоръ, Елена Ивановна, были люди не бѣдные. У черносошнаго крестьянина Василя Ломоносова была земля, которою онъ владѣлъ на правахъ собственности, и сверхъ того онъ выгодно промышлялъ рыбною ловлею «по Мурманскому берегу и въ другихъ приморскихъ мѣстахъ», на своихъ собственныхъ судахъ, между которыми было судно и большой величины, съ корабельною оснасткою. Когда Ломоносову было лѣтъ десять, отецъ началъ брать его съ собою каждое лѣто и осень на рыбныя ловли въ море; они заходили не разъ до Колы и даже въ Сѣверный океанъ до 70-го градуса широты. Величавая въ своей суровости природа Сѣвера оставила въ пылливой душѣ мальчика глубокія впечатлѣнія, о чемъ свидѣтельствуютъ его произведенія. По зимамъ Ломоносовъ жилъ дома, и здѣсь, у одного священнослужителя, а по другому извѣстію отъ крестьянина Ивана Шубнаго, выучился читать и писать по-русски. Читалъ онъ вначалѣ только церковныя книги, и по разсказу, записанному, вѣроятно, съ его словъ, черезъ «два года учился, ко удивленію всѣхъ, лучшимъ чтеніемъ въ приходской своей церкви», такъ что «нерѣдко быванъ былъ не отъ сверстниковъ по лѣтамъ, но отъ сверстниковъ своихъ по ученію за то, что стыдилъ ихъ превосходствомъ своимъ передъ ними произносить читаемое къ мѣсту разстановочно, внятно, а притомъ и съ особою пріятностію и ломкостію голоса». Въ домѣ одного изъ сосѣдей, Дудина, онъ увидалъ замѣчательнѣйшія по своему времени не духовныя книги, «самыя крупныя и едва не единственныя представители книжной мудрости въ до-петровской Руси», именно грамматику Смотрицкаго и арифметику Магницкаго, напечатанныя въ Петербургѣ въ царствованіе Петра Великаго для «навигатскихъ» учениковъ. Ломоносовъ выпросилъ ихъ у Дудина, «не расставался съ ними никогда, послылъ съ собою вездѣ и, непрестанно читая, вытвердилъ наизусть». Онъ называлъ ихъ потомъ «вратами своей учености». На тринадцатомъ году Ломоносовъ былъ совращенъ раскольниками толка беспоповщины, но держался ихъ ученія только около года, скоро понявъ ихъ заблужденія. Вотъ все, что извѣстно о дѣтствѣ великаго творца русскаго литературнаго языка.

Въ 1731 году, въ январѣ мѣсяцѣ, Ломоносова мы находимъ въ Москвѣ, въ Спасскихъ школахъ. Бѣгство его съ родины облек-

лось въ воображеніи потомства въ различныя сказанія, обставилось различными подробностями, которыя частію прямо опровергаются достовѣрными данными. Несомнѣнно, тѣмъ не менѣе, слѣдующее. Не находя на родинѣ удовлетворенія своей страстной жаждѣ знанія, Ломоносовъ узналъ отъ своихъ учителей, что только въ Москвѣ, въ Кіевѣ да Петербургѣ можно научиться латинскому языку, на которомъ тогда писали ученые, и найти книги на немъ. Въ пылкую душу юноши запала мысль уйти изъ родительскаго дома и поступить въ одну изъ тамошнихъ школъ. Жизнь у отца, къ тому же, была для него далеко не красна; мать его умерла, отецъ женился на другой, и «злая и завистливая мачиха», по словамъ самого Ломоносова, «всячески старалась произвести гнѣвъ въ отцѣ его, представляя, что 'отцъ всегда сидитъ попустому за книгами». «Для того», прибавляетъ Ломоносовъ, «многоратно я принужденъ былъ читать и учиться чему возможно было въ уединенныхъ и пустыхъ мѣстахъ, и терпѣть стужу и холодъ». И вотъ, 7-го декабря 1730 года онъ добылъ, при помощи управлявшаго тогда въ Холмогорахъ земскими дѣлами Милюкова, паспортъ, досталъ взаймы нѣсколько денегъ и, ничего не сказавъ домашнимъ, ушелъ въ путь, направляясь къ Москвѣ. Добравшись послѣ различныхъ, разными лицами различно рассказываемыхъ, приключеній въ Первопрестольную столицу русскую, гдѣ, назвавши себя «поповскимъ сыномъ», онъ поступить въ Заиконоспасское училище.

О времени, когда Ломоносовъ учился въ этой школѣ, извѣстій сохранилось также не много. Вотъ что писалъ онъ самъ впослѣдствіи Н. П. Шувалову: «Обучаясь въ Спасскихъ школахъ, имѣлъ я со всѣхъ сторонъ отвращающія отъ наукъ пресильныя стремленія, которыя въ тогдашнія лѣта почти непреодолимую силу имѣли. Съ одной стороны отецъ (онъ скоро узналъ, гдѣ его сынъ, черезъ издившихъ ежегодно въ Москву сосѣдей), никогда дѣтей кромѣ меня не имѣлъ, говорилъ, что я, будучи одинъ, его оставилъ, оставилъ все довольство (по тамошнему состоянію), которое онъ для меня кровавымъ потомъ нажилъ, и которое послѣ его смерти чужіе расхищать. Съ другой стороны несказанная бѣдность: имѣя одинъ алтынъ (3 коп.) въ день жалованья, нельзя было имѣть на пропитаніе въ день больше какъ на денежку хлѣба, и на денежку квасу, прочее на бумагу, на обувь и другія нужды. Такимъ образомъ жилъ я пять лѣтъ и наукъ не оставилъ. Съ одной стороны пишутъ, что, зная моего отца достатки, хорошіе тамошніе люди дочерей своихъ за меня выдадутъ, которые и въ мою гамъ бытность предлагали; съ другой стороны школьники малые ребята кричатъ и перстами указываютъ: смотри-де какой болаванъ лѣтъ въ двадцать пришелъ латынѣ учиться». Между тѣмъ

Ломоносовъ дѣлалъ быстрые успѣхи въ наукахъ. По прошествіи перваго полугодія его перевели изъ низшаго класса во второй, и въ томъ же году въ третій. Черезъ годъ послѣ того онъ могъ уже писать небольшіе стихи на латинскомъ языкѣ. Тогда онъ началъ учиться по-гречески, а въ свободные часы рылся въ монастырской библіотекѣ, читалъ лѣтописи, сочиненія Отцовъ Церкви и другія богословскія сочиненія; попадались въ его руки и книги по философіи, естествознанію и математикѣ. Законоспаская наука и библіотека скоро перестали удовлетворять запросы пытливаго ума Ломоносова, и онъ обратился къ архимандриту съ просьбою послать его на годъ въ Кіевъ для занятій философіею, физикой и математикой. Но и въ Кіевѣ его положительный умъ, наклонный къ естествознанію, нашелъ схоластическія словопренія; Ломоносовъ пробылъ тамъ меньше года, занимаясь чтеніемъ лѣтописей и другихъ книгъ, писанныхъ на славянскомъ, греческомъ и латинскомъ языкахъ, и воротился въ Москву. Этими немногими фактами исчерпывается все, что достоверно извѣстно о времени ученія Ломоносова въ Москвѣ и Кіевѣ. Осталось еще незначительные стихи, написанные знаменитымъ писателемъ въ Московскомъ училищѣ въ наказаніе «за учиненный имъ школьный проступокъ»: «Услышали мухи» и проч.

Въ 1735 году, по представленію барона Корфа, сенатъ распорядился, чтобы изъ учениковъ Спасской школы были высланы въ Петербургъ въ Академію наукъ двадцать человекъ, для слушанія высшихъ наукъ отъ профессоровъ той академіи. Въ числѣ этихъ двадцати молодыхъ людей пріѣхалъ въ Петербургъ, въ январѣ 1736 года, и Ломоносовъ. Между тѣмъ еще раньше шла переписка того же барона Корфа съ заграничными учеными объ отсылкѣ нѣсколькихъ молодыхъ людей въ Германію для изученія химіи и горнаго дѣла, въ видахъ государственныхъ нуждъ Россіи. И въ сентябрѣ названнаго года, Ломоносовъ съ двумя товарищами выѣхалъ за границу, въ Марбургъ, къ знаменитому Христіану Вольфу.

Пять лѣтъ прожилъ Ломоносовъ въ Германіи и, говоря словами одного изъ его авторитетныхъ біографовъ, «благодаря геніальнымъ способностямъ своимъ, трудолюбію и дѣятельности, узналъ все, что узнать было можно, овладѣлъ современною наукою, и почувствовалъ, что можетъ самъ идти еще далѣе по узанному пути, можетъ повести за собою своихъ соотечественниковъ, можетъ учредить науку въ Россіи, въ любезномъ своемъ отечествѣ». По письмамъ Вольфа, Ломоносовъ «съ неутомимымъ прилежаніемъ слушалъ лекціи химіи», «прилежно посѣщалъ лекціи (въ Марбургскомъ университетѣ) математики и философіи,

а преимущественно физики, и съ особенною любовію старался приобретать основательныя познанія». «Нисколько не сомнѣваюсь», прибавлялъ знаменитый ученый, «что если онъ съ такимъ же прилежаніемъ будетъ продолжать свои занятія, то со временемъ, по возвращеніи въ отечество, можетъ принести пользу государству». Въ заграничной жизни Ломоносова, о которой имѣются уже достовѣрныя и важныя извѣстія, передъ нами въ первый разъ вырисовывается нравственная и умственная фізіономія его. Это была натура страстная, живая, не чуждая увлеченій молодости, но человѣкъ съ рѣзкою опредѣленностью стремленій и съ выдающеюся волею. «Деньги», писалъ Вольфъ про молодыхъ людей, товарищей Ломоносова, и про него самого, «они прокутили, не заплативъ того, что слѣдовало, а потомъ, добывъ себѣ кредитъ, надѣлали долговъ...» Но въ то же время знаменитый ученый не могъ позже не замѣтить: «У г. Ломоносова, повидному, самая свѣтлая голова: при хорошемъ прилежаніи онъ могъ бы и научиться многому», и въ другомъ письмѣ прибавляетъ: «болѣе всего я еще полагаюсь на успѣхи г. Ломоносова: онъ, повидному, и раскаивается въ сдѣланныхъ долгахъ».

Въ іюль 1739 года студенты наши оставили Вольфа и переехали въ Фрейбергъ къ Генкелю, для изученія металлургіи. Съ этимъ нѣмецкимъ ученымъ Ломоносовъ не поладилъ, и въ слѣдующемъ 1740 году самовольно уѣхалъ отъ него въ Лейпцигъ, надѣясь найти тамъ русскаго посланника, побывалъ въ Касселѣ, все это въ обстоятельствахъ съ матеріальной стороны крайне затруднительныхъ, и наконецъ отправился опять въ Марбургъ, «чтобы у старыхъ пріятелей своихъ заставить деньгами». Здѣсь онъ, въ іюнѣ мѣсяцѣ, не испрашивая дозволенія, женился на дочери умершаго члена городской думы и церковнаго старшины, Елизаветѣ-Христинѣ Цильхъ, вѣроятно по любви. Изъ Марбурга Ломоносовъ побывалъ во Франкфуртѣ и затѣмъ, водою, проѣхалъ въ Голландію, въ Гагу, къ русскому послу, графу Головкину, съ просьбою помочь ему въ его положеніи.

На этомъ именно пути, какъ нужно думать, случилось съ нимъ обстоятельство, могшее навсегда лишить Россію ея перваго гениальнаго ученаго и писателя. Вотъ что рассказываетъ объ этомъ товарищъ Ломоносова по службѣ, академикъ Штепльнъ. Въ разстояніи двухдневнаго пути отъ Марбурга, по дорогѣ въ Дюссельдорфъ, Ломоносовъ зашелъ по большой дорогѣ въ мѣстечко, переночевать. Тутъ нашелъ онъ королевско-прусскаго офицера, вербующаго рекрутъ, съ солдатами и съ нѣсколькими новобранцами, которые весело пировали. Офицеръ пригласилъ его поужинать въ ихъ компаніи, собесѣдники расхваливали

ему королевско-прусскую службу, и такъ наполни его, что, проснувшись, онъ не могъ ничего припомнить, что было съ нимъ вечеромъ. Между тѣмъ на шеѣ у него оказался красный галстукъ, въ карманѣ нѣсколько прусскихъ монетъ, офицеръ называлъ его славнымъ молодцомъ, которому навѣрно посчастливится въ королевско-прусской службѣ, а солдаты величали его товарищемъ. Попытки протестовать, конечно, не повели ни къ чему; Ломоносовъ сдѣлался королевско-прусскимъ рейтаромъ, и дня черезъ два, вмѣстѣ съ другими рекрутами, былъ отправленъ въ пограничную крѣпость Везель. Онъ рѣшился бѣжать при первомъ удобномъ случаѣ еще съ дороги, но за нимъ хорошо присматривали, и это ему не удавалось. Тогда онъ притворился очень довольнымъ своимъ новымъ положеніемъ. Къ счастью, его помѣстили въ Везель не въ городѣ, какъ большинство рекрутъ, а въ крѣпостной караульнѣ, заднее окно которой выходило прямо на валъ. И вотъ, спустя нѣсколько недѣль, проснувшись какъ-то послѣ полуночи и замѣтивъ, что всѣ крѣпко спятъ, онъ осторожно вылѣзъ изъ окна, на четверенькахъ проползъ, въ темнотѣ мимо часовыхъ до вала, безшумно переплылъ два рва и перешелъ валъ, раздѣляющій ихъ, вскарабкался на контръ-эскарпъ, перелѣзъ черезъ палисадъ и съ гласиса выбрался въ открытое поле. Самое трудное было сдѣлано. Но граница Пруссіи лежала болѣе чѣмъ въ нѣмецкой милѣ отъ крѣпости, и Ломоносовъ, въ мокрой солдатской шинели, обвязавъ шею носовымъ платкомъ вмѣсто краснаго галстука, насколько хватало силъ поспѣшилъ къ границѣ. Не прошелъ онъ и четверти пути, какъ стало свѣтать, и вскорѣ онъ съ трепетомъ услышалъ пушечный выстрѣлъ—сигналъ о бѣгствѣ солдата. Онъ побѣжалъ изо всѣхъ силъ, по временамъ оглядываясь назадъ; вдали показался вскорѣ скачущій во весь опоръ кавалеристъ. Но Ломоносову удалось перейти Вестфальскую границу, и здѣсь онъ скрылся въ ближайшемъ лѣсу. Вечеромъ онъ снова пустился въ путь, выдавая себя вездѣ за бѣднаго студента.

Ломоносову удалось достигнуть Гаги, но графъ Головкинъ отказалъ ему во всякой помощи, не желая «ввязываться въ дѣло», касающееся Петербургской академіи. Ломоносовъ возвратился въ Марбургъ. Онъ «упражнялся тамъ въ алгебрѣ, намѣреваясь оную къ теоретической химіи и физикѣ примѣнить», а между тѣмъ отправилъ въ Петербургскую академію донесенія, и оправданія своихъ поступковъ, прося позволенія и средствъ отправиться въ Гарцъ, гдѣ бы онъ «могъ свою горную науку совершить». Но академія предписала Ломоносову возвратиться въ Петербургъ, выславъ ему деньги на дорогу. Достоверныхъ извѣстій о томъ, какъ

и какимъ путемъ Ломоносовъ ѣхалъ въ Петербургъ, не имѣется; но въ началѣ юня 1741 года онъ былъ уже въ столицѣ.

Ломоносовъ пріѣхалъ въ Петербургъ уже зарекомендовавъ себя хорошимъ стихотворцемъ. Еще въ 1738 году онъ прислалъ въ академію стихотворный переводъ оды Фенелона, а въ концѣ слѣдующаго 1739 года, изъ Фрейбурга пришла отъ него въ Петербургъ ода на взятіе Хотина, которая должна была поразить современниковъ красотою языка, возможность котораго тогда едва-ли кто могъ и подозревать. Извѣстіе о томъ, будто бы ода эта была напечатана и произвела огромное впечатлѣніе при дворѣ и среди русскихъ вельможъ и русскаго образованнаго класса людей, не подтверждается; но ее многіе могли узнать въ спискахъ отъ академиковъ; легко можетъ быть, что она попала и къ вельможамъ, и въ этомъ случаѣ не могла не обратить вниманія на Ломоносова, — стоило только сравнить языкъ его съ тѣмъ, которымъ писали другіе. Вотъ какіе стихи писалъ патентованный тогдашній стихослагатель, Тредьяковский:

Воспѣвай же лира пѣснь сладку
 Анну то-есть благополучну,
 Къ вѣщшему всѣхъ враговъ упадку,
 Къ несчастію въ вѣки тѣмъ скучну...

И вдругъ, рядомъ съ этими некрасивыми виршами, раздались торжественные, поэтическіе звуки:

Восторгъ внезапный умъ плѣнилъ,
 Ведетъ на верхъ горы высокой,
 Гдѣ вѣтръ въ лѣсахъ шумѣтъ забыль...

Появленіе оды Ломоносова было цѣлымъ переворотомъ литературнымъ. На ней лежали слѣды вліянія нѣмецкаго поэта Гюнтера, но этого въ Россіи никто не зналъ, да и это обстоятельство нисколько не помѣшало бы впечатлѣнію отъ произведенія новаго стихотворца, сумѣвшаго найти въ русскомъ языкѣ столь непривычныя для всѣхъ красоты. Ломоносовъ и самъ понималъ значеніе совершаемаго имъ дѣла. Въ письмѣ, посланномъ вмѣстѣ съ одою, онъ говоритъ: «Я не могу довольно о томъ нарадоваться, что російскій нашъ языкъ не токмо бодростію и героическимъ звукомъ греческому, латинскому и нѣмецкому не уступаетъ, но и подобную онимъ, а себѣ купно природную и свойственную версификацію имѣть можетъ. Сіе толь долго пренебреженное счастье чтобы совсѣмъ въ забвеніи не осталось, умыслилъ я наши правильныя стихи изъ нѣкоторыхъ опредѣленныхъ стопъ составлять...»

И такъ, Ломоносовъ явился въ Петербургъ уже ярко обнаруживъ свои выдающіяся дарованія. Представивъ надлежащую диссертацію, и dokonчивъ, по порученію академіи, составлявшійся